

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С.Б. РОССИНСКИЙ, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ключевые слова: доказывание, цель доказывания, состязательность, презумпция невиновности

В настоящей статье в очередной раз поднимается вопрос о целях доказывания в уголовном судопроизводстве, но с учетом его современной состязательной направленности. Занимая компромиссную позицию и критически оценивая полярные точки зрения о целях доказывания, как советские, так и современные, автор полагает, приходит к выводу, что современный состязательный тип уголовного процесса как бы сочетает в себе два начала доказывания: нацеленность на установление объективной истины и обеспечение основополагающих демократических принципов в сфере прав и свобод личности.

In this article once again raises the question about the order of proof in criminal proceedings, but given its modern adversarial orientation. Taking a compromise position and critically evaluating polar points of view about the purpose of proof, both Soviet contemporary, the author believes, comes to the conclusion that the modern adversarial type of criminal process as it combines two elements of proof: focus on establishing objective truth and the fundamental democratic principles in the sphere of rights and freedoms.

Key words: proving, objective evidence, the adversary system, the presumption of innocence

Одним из наиболее концептуальных вопросов теории уголовно-процессуального права традиционно был и остается вопрос о целях доказывания в уголовном судопроизводстве. Дискуссии по этому поводу ведутся на протяжении многих лет. Так, советские ученые, преимущественно опиравшиеся на нормы действовавших в те годы уголовно-процессуальных законов, в своем большинстве склонялись к тезису, что целью доказывания является вполне достижимая объективная (материальная) истина, хотя на пути ее установления возникает множество трудностей и преград¹. Споры ученых в большей

степени касались вопросов об абсолютности или относительности истины, о вхождении в ее содержание определенных уголовно-правовых и процессуальных вопросов и т.д.² Установлению истины как цели доказывания фактически придавалось значение одного из принципов уголовного судопроизводства. В частности, ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. прямо определяла, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. А ст. 243 того же Кодекса предусматривала обязанность председательствующего в судебном заседании к установлению истины.

Ввиду того, что ныне действующий УПК РФ более не содержит прямой обязанности по установлению истины, по данному поводу разгорелись еще более жаркие научные дискуссии. В некоторых публикациях продолжает отстаиваться позиция об истине как о цели доказывания³. Другие ученые, наоборот, занимают противоположную точку зрения, полагая, что суд, стремящийся установить истину, неизбежно переходит на позиции обвинения, что в состязательном процессе вообще не может быть какой-то единой цели, поскольку каждая процессуальная функция имеет свою сугубо индивидуальную нацеленность⁴. Наиболее радикально настроенные современные авторы вообще предлагают отказаться от понятия объективной истины, заменив его убеждением судьи⁵.

И, наконец, еще одна группа специалистов занимает более компромиссную позицию, не противопоставляя заложенный в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности правилу о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела, а полагая, что эти процессуальные механизмы вполне могут сосуществовать в рамках одной модели уголовного судопроизводства⁶.

² Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 37; Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010. С. 131.

³ Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовного-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004. С. 30; Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74; Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 11; Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск: Томский госуниверситет, 2015. С. 3 и т.д.

⁴ Лазарева В.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 34.

⁵ Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / под ред. Л.М. Карнозовой. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. С. 312; Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 37; Александров А.С. Duxless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 17.

⁶ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 43.

¹ Например: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд. М.: Госюриздат, 1950. С. 222; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 19; Трусков А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960. С. 20–21; Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964. С. 42. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 116, 139 и многие другие работы.

Последняя и достаточно умеренная точка зрения нам представляется наиболее рациональной и заслуживающей внимания. Так сложно согласиться с учениями, отстаивающими советские представления о целях доказывания, предполагающих достижение объективной (материальной) истины. Объективная истина представляет собой исключительно теоретический продукт, философскую категорию. Представляется, что в сугубо практических условиях уголовного судопроизводства такая истина принципиально недостижима. Кстати в этой связи следует подвергнуть критике внесенный в Государственную Думу законопроект, касающийся введения института объективной истины в уголовное судопроизводство⁷. Истину невозможно регламентировать на законодательном уровне; она не подчиняется установленным государством правилам ведения уголовно-процессуальной деятельности.

Более того достижение объективной (материальной) истины представляется невозможным ввиду целого спектра регламентированных законом ограничений и условностей, являющихся элементами уголовно-процессуальной формы и выражающих гарантии обеспечения прав и свобод личности. Для ответа на вопрос, должна ли истина рассматриваться как цель доказывания, — писала П.А. Лупинская, — необходимо обратиться к процессуальным средствам и процедуре доказывания в уголовном судопроизводстве⁸. Основанный на демократических принципах современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит немало запретов, предписаний и дозволений, существенным образом затрудняющих для государственных органов и должностных лиц поиск объективной истины (например, право обвиняемого или подозреваемого отказаться от дачи показаний, право свидетеля или потерпевшего не свидетельствовать против само себя или близких родственников, институт недопустимости доказательств и т.д.). Все эти правовые механизмы не просто затрудняют достижение объективной (материальной) истины, но и делают его практически невозможным. В противном случае законодатель следовало бы вообще отказаться от каких-либо процессуальных ограничений и построить механизм уголовного судопроизводства по формуле: «цель оправдывает средства», что в современных условиях совершенно исключено.

Однако противоположная позиция, представители которой вообще предлагают отказаться от единой истины в уголовном судопроизводстве, нам также представляется несостоятельной ввиду того, что она превращает суд из активного познавательного субъекта в пассивного наблюдателя, как бы впитывающего лишь те «истины», которые были представлены сторонами. При таком развитии событий суд фактически становится участником уголовного судопроизводства с «завязанными глазами»⁹.

Тезис о том, что суд не должен становиться на позиции обвинения, подменять обвинителя, вовсе не означает, что он не может активно участвовать в исследовании доказательств¹⁰. Подобные механизмы характерны скорее для частного искового типа уголовного судопроизводства, свойственного для древних форм развития общества и государства. Современный уголовный процесс, характеризующийся разумным сочетанием публичности и диспозитивности, предполагает наделение суда и других субъектов, уполномоченных на принятие юрисдикционных решений (дознателя, следователя и т.д.) целым спектром познавательных полномочий, направленных на установление истины.

Истин, равно как и целей в уголовном процессе не может быть несколько; истина может быть только одна, независимо от того, насколько выгодна или невыгодна эта истина представляется сторонам. Причем прерогатива для установления этой истины, безусловно, принадлежит именно суду. Стороны выполняют в уголовном судопроизводстве иные задачи, направленные на убеждение суда в правильности своих позиций. И если обвинительная власть в силу своей публичной природы все-таки должна стремиться к истинности выдвигаемой ей позиции, то сторона защиты и вовсе освобождена от этой обязанности.

Современный состязательный уголовный процесс нельзя полностью освободить от категории «объективная истина». Она является глобальной, основополагающей целью всего многоступенчатого процесса доказывания. Ведь в конечном счете цель — это идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс¹¹. Следовательно, истину в уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать как некую идеальную цель, к которой должны стремиться суд, следователь, дознаватель, при этом осознавая, что практически эта цель не достижима. Другое понимание истины придавало бы уголовно-процессуальной деятельности бесцельный характер, превращало бы суд из субъекта принятия решений в простого регистратора сведений, представляемых сторонами.

В этой связи следует обратить внимание, что отдельные попытки подобного истолкования истины в уголовном процессе предпринимались еще в эпоху становления советской юридической науки. Так С.А. Голунский писал, что в уголовном процессе речь идет не о достижении абсолютной истины, а о возможности в данный

терным для древних форм судопроизводства, сводившихся к частноисковым юрисдикционным процедурам. Данное изображение вовсе не нужно расценивать как основополагающий принцип для современного типа уголовного процесса, характеризующегося достаточно высокой степенью публичности и активности суда. Кстати весьма примечательно, что некоторые изваяния Фемиды времен публичного уголовного судопроизводства изображают ее не с закрытыми, а с открытыми глазами. Таковой, например, является средневековая скульптура Фемиды, установленная на одной из центральных площадей Франкфурта-на-Майне — неофициальной столицы Священной Римской Империи Германской Нации.

¹⁰ Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000. С. 163.

¹¹ Новая философская энциклопедия // Официальный сайт Института философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3339.html>.

⁷ Проект Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010. С. 133.

⁹ В этой связи следует обратить внимание, что символ правосудия — богиня Фемиды (Юстиция) наиболее часто изображается именно с завязанными глазами, чем подчеркивается ее беспристрастность в рассмотрении дел. Однако подобное изображение является не более чем символическим, харак-

конкретный момент по данному делу окончательно решить поставленный перед судом вопрос, не рассчитывая на то, что дальнейшие ступени развития науки «прибавят новые зерна» в установленную судом истину¹². Аналогичные взгляды были высказаны и в некоторых других работах. Однако в силу господствовавших в то время позиций эти научные суждения были обречены на провал. Диалектико-материалистическое учение об истине было механически перенесено в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Советская наука и советский закон — отмечал Ю.В. Кореневский — требовали от правоприменителя достижения объективной истины по каждому делу, а любые осечки в этом вопросе рассматривались как проявления некачественной работы органов предварительного расследования и суда¹³.

Предварительное расследование и судебное разбирательство уголовного дела позволяют установить отдельные фрагменты объективной истины, которые составляют первичный материал для принятия соответствующего правоприменительного решения. Оставшиеся «белые пятна» следует заполнять условными сведениями, которые в теории уголовного процесса принято называть формальной или конвенциональной (договорной) истиной. Однако последняя никак не может рассматриваться как основной фундамент для принятия решения. Представляется, что в современном уголовном процессе конвенциональной истине отводится роль своеобразной гносеологической альтернативы в тех случаях, когда в сведениях, составляющих объективную истину, имеются существенные пробелы или когда такие сведения вообще не подлежат установлению в силу прямого указания в законе.

Основной вопрос, который сегодня следует поставить перед этим сегментом теории доказывания, заключается в том, насколько полно должны быть установлены сведения, составляющие объективную истину для принятия конкретного правоприменительного решения в уголовном судопроизводстве, то есть насколько допустимым является использование ресурсов конвенциональной истины. Очевидно, что в контексте дифференциации современной уголовно-процессуальной деятельности ответить на данный вопрос однозначным образом не представляется возможным.

Так общий порядок производства по уголовному делу, безусловно, требует от органов предварительного расследования и суда максимального стремления к познанию и доказыванию объективной истины, но только в рамках процессуальной формы. Неустановление каких-либо обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, ввиду предусмотренных УПК РФ запретов и ограничений объективно требует призвания на помощь ресурсов конвенциональной истины. Например, невозможность познать экспертным путем давность исполнения рукописной записи при отсутствии иных доказательств обязывает суд датировать срок изготовления данного документа числом, свидетельствующим в пользу стороны защиты. Отказ обвиняемого от дачи показаний по поводу события преступления при отсутствии иных доказательств обязывает суд считать этот факт недоказанным

и т.д. Все приведенные примеры относятся к самой распространенной форме конвенциональной истины — презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Однако в современном уголовном процессе существуют и другие, так называемые «неписанные» презумпции. Например, одна из них — это презумпция вменяемости, предполагающая вменяемостью всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, если в данном вопросе нет сомнений и, следовательно, нет оснований для производства соответствующей судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, существует и другая разновидность предусмотренной законом формальной истины — преюдиция. В силу ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или решением по гражданскому, арбитражному или административному делу, признаются без дополнительной проверки.

Сегодняшняя модель уголовного процесса также предусматривает целый ряд особых производств, более подверженных влиянию конвенциональной истины. Первым среди них следует назвать особый порядок рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Здесь судья руководствуется не результатами собственного познания обстоятельств уголовного дела, не доказательствами, добытыми сторонами или собранными самостоятельно, а лишь позицией обвинения, с которой согласен подсудимый. В данном случае нет никаких оснований говорить об установлении судебной истины; она полностью заменяется конвенциональными фактами, представленными прокурором или частным обвинителем. Очевидно, что аналогичным образом следует оценивать и процедуру рассмотрения уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Некоторые специалисты к проявлениям конвенциональной истины относят также порядок рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей. В частности, С.А. Шейфер пишет, что при постановлении приговора по такому делу судья руководствуется не действительными фактическими обстоятельствами дела (он в их установлении не участвует), а вердиктом присяжных, который они не мотивируют и мотивировать не могут¹⁴. С подобным утверждением согласиться достаточно сложно, поскольку присяжных невозможно лишить права на собственное познание обстоятельств уголовного дела (иначе зачем вообще проводить судебное следствие в их присутствии). А то, что присяжные выносят свой вердикт немотивированно и отдельно от председательствующего судьи, вовсе не означает, что они не должны стремиться к установлению истины. Председательствующий в своем напутственном слове прямо наставляет присяжных как надо оценивать доказательства (п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ).

Подводя определенный итог всему сказанному отметим, что современный состязательный тип уголовного процесса как бы сочетает в себе два начала доказывания: нацеленность на установление объективной истины и обеспечение основополагающих демократических принципов в сфере прав и свобод личности. Сегодняшний правоприменитель, принимая любое из предусмотренных законом процессуальных решений, должен отдавать

¹² Проблемы уголовной политики. Кн. IV / под ред. Н.В. Крыленко. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. С. 60-61.

¹³ Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М.: Юрист, 2000. С. 163.

¹⁴ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 38-39.

себе отчет, насколько достоверна и достаточна совокупность имеющихся в его распоряжении объективных и конвенциональных фактов как в целом, так и в контексте конкретной формы уголовного судопроизводства.

Принятие некоторых решений требует более объективных фактов, принятие других может быть ограничено доминирующим присутствием конвенциональной истины.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С. Duxless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1.
2. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964.
3. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2004.
4. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд. М.: Госюриздат, 1950.
5. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000.
6. Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6.
7. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
8. Лазарева В.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009.
9. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010.
10. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009.
11. Проблемы уголовной политики. Кн. IV / под ред. Н.В. Крыленко. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. С. 60-61.
12. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955.
13. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / под ред. Л.М. Карнозовой. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. С. 312.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973.
15. Трусев А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960.
16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
17. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск: Томский госуниверситет, 2015.
18. Новая философская энциклопедия // Официальный сайт Института философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3339.html>.

ОБ УСМОТРЕНИИ СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 22 КАС РФ

С.В. ЩЕПАЛОВ, кандидат юридических наук,
судья Верховного суда Республики Карелия

Ключевые слова: Кодекс административного судопроизводства, усмотрение суда

Статья посвящена вопросу усмотрения суда при рассмотрении дел, предусмотренных главой 22 Кодекса административного судопроизводства.

The article is devoted to the question of discretion of the court in cases envisaged by Chapter 22 of the Code of administrative procedure.

Key words: Code of administrative procedure, the discretion of the court

С 15 сентября 2015 г. вводится в действие Кодекс административного судопроизводства (далее — КАС РФ).

Главой 22 КАС РФ будет регулироваться наиболее распространенная категория административных дел — об оспаривании решений и действий органов государственной власти и органов местного самоуправления (далее также: решений административных органов).

Хотя учеными отмечается, что КАС РФ имеет недоработки¹, но закрепленный в нем порядок производства по делам об оспаривании решений административных органов можно считать шагом вперед. Закрепленная в КАС РФ модель судопроизводства имеет признаки процессуальной формы самостоятельного вида юридического процесса. Ее можно назвать административной процессуальной формой. Это новое явление заслуживает всестороннего изучения. Но в первую очередь внимание привлекает такой его аспект, как соотношение с судебным усмотрением. Под ним автор понимает полномочие суда самостоятельно, а не по указанию процессуального закона, выбрать то процессуальное действие или способ разрешения дела, которое наиболее отвечает цели правосудия². Усмотрения нет, где у суда нет права

¹ См., например: Громошина Н.А. К вопросу об объединении высших судов и Кодексе административного судопроизводства // Российская юстиция. 2014. № 1.

² Подробнее об этом см.: Щепалов С.В. Об усмотрении суда в рамках административной процессуальной формы // Российская юстиция. 2015. № 6.